

ЛИТЕРАТУРА

Красноярова Н. Г. Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка речи, воды, потока // Аналитика культурологии. 2008. № 1 (10). С. 49–55.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и предисл. А. Н. Баранова. Изд. 3-е. М., 2017.

Соколова О. Л. Парадоксальность значения вещественности // Сопоставительная лингвистика. 2016. № 5. С. 83–86.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.

СЛОВАРЬ

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011.

Малахов Н. С.

магистрант УрФУ

ПОНЯТИЕ ПОСТПРАВДЫ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Феномен постправды привлекает всё больше внимания исследователей в самых различных областях гуманитарного знания. Само понятие *постправда* появилось в массовой культуре на рубеже XX–XXI вв. Впервые термин был использован в 1992 г. в тексте сербско-американского драматурга Стива Тесича, размышляющего о последствиях войны в Персидском заливе [Tesich 1992]. В статье термин *постправда* упоминается всего один раз, автор не дает точного определения понятия, но анализ контекста позволяет выявить, что с помощью данного термина оценивается ситуация, связанная с действиями администрации Дж. Буша, оправдывающей начало войны в Ираке. В 2016 г. Оксфордский словарь назвал слово *post-truth* словом года, дав следующее определение: «Post-truth is an adjective defined as relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief» [Oxford Learner's Dictionaries]¹. Использование С. Тесичем слова *постправда* и фиксирование этого

¹ «Пост-правда – это прилагательное, определяемое как относящееся к обстоятельствам либо обозначающее такие обстоятельства, при которых объективные факты менее значимы в формировании общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям» <перевод автора. Н. М.>

феномена Оксфордским словарем является важной вехой в определении и исследовании данного феномена. Стоит отметить, что некоторые исследователи отмечают размытость определения, недостаток конкретности, что не отражает в полной мере специфику термина [Гарбузняк 2019: 185, Ростова 2018: 130, Якимов 2020: 2].

Обратимся непосредственно к дефинициям понятия *постправда* в гуманитарных науках. Начнем с социологической науки.

С. В. Чугров называет постправду квазиреальной средой, или ситуациями, «которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций» [Чугров 2017: 246]. В рамках постправды важна не правдивость новости, а ее соответствие эмоциональному настрою потребителя и политическим целям коммуникатора. Исследователь отмечает несколько важных свойств постправды: термин родился не в социокультурном, а в сугубо политическом дискурсе, т. е. как некоторая определенная, нужная, удобная правда, используемая для удержания власти или победы в выборах. Это свойство является важным и для филологических наук, так как оно связано с редукцией и исчезновением смыслов, избытком новояза и эвфемизмов в языке. Еще одним свойством постправды, по С. В. Чугрову, является то, что постправда – порождение виртуальной среды, где ключевую роль играют интернет и социальные сети.

Относительно последнего свойства можно дискутировать, так как анализ постправды Стивом Фуллером показал, что конфликт между Платоном и школой софистов в своей структуре был осуществлением постправды. Тем не менее, нельзя не согласиться с тем, что именно распространение медиатехнологий и виртуальной среды повлияли на развитие постправды в наше время.

Переходя к политическим наукам, обратимся к статье А. Ю. Гарбузняк, посвященной теоретическому анализу феномена постправды, и коллективной монографии «Политика постправды и популизм».

А. Ю. Гарбузняк указывает на возникновение постправды в условиях расширения структуры медиаполитического поля, объясняя это тем, что новые медиа начинают играть всё более существенную роль в установлении политической повестки. В феномене постправды автор статьи видит наличие политологического и коммуникативного аспектов. Политологический аспект связан со стратегическим голосованием на выборах: гражданин руководствуется личными убеждениями при выборе кандидата. Коммуникативный же показывает формирование этих убеж-

дений. В рамках исследования постправды А. Ю. Гарбузняк ставит цель объяснить происхождения личных убеждений граждан и раскрыть новые механизмы формирования общественного мнения [Гарбузняк 2019: 184].

Ключевым аспектом для понимания коммуникативной природы постправды А. Ю. Гарбузняк называет медийный нарратив, или рассказ о политике средствами массовой информации [Гарбузняк 2019: 186]. Тем самым автор обозначает, что соотношение медийного нарратива и личных убеждений граждан является основным вопросом коммуникативного аспекта постправды, так как в этом соотношении можно наблюдать следующие свойства: «отдельные факты и аналитические выводы обладают в нем меньшей убеждающей силой, чем готовые интерпретации, предлагающие более или менее целостную картину мира, которая резонирует с уже существующими личными убеждениями граждан. Факты, не вписывающиеся в нарратив постправды, отвергаются» [Там же].

В монографии «Политика постправды и популизм» предлагается рассмотреть феномен постправды в трех смысловых измерениях – предметном, темпоральном и социальном. В предметном измерении наблюдается противостояние «“неистинной”, “неразумной”, “манипулятивной” (“пропагандистской”)» технологии социального конструирования политическими элитами и мнения экспертных сообществ, основанных на научном анализе [«Политика постправды» и популизм 2018: 8]. В темпоральном измерении пространство политики постправды «часто рассматривается как специфический политико-культурный феномен («симуляции» и «зрелищности» политики «эпохи постмодерна»)» [Там же]. В социальном аспекте постправда амбивалентна, противоречива: «то, что для одних участников коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других – это естественное состояние, некая безусловная «правда» жизни и способ поддержания политической идентичности и государственного суверенитета» [Там же].

В философии можно наблюдать стремление не только рассмотреть постправду как часть политического или журналистского дискурса, но исследовать ее влияние и на другие области человеческой культуры.

А. Е. Якимов отмечает, что понятие постправда часто сводится к проблеме манипулирования общественным мнением, и сам термин рассматривается в политическом контексте [Якимов 2020: 2]. Автор предлагает расширить проблематизацию постправды за пределы политического дискурса в медиапространстве, так как феномен оказывает

влияние на культурную, художественную и повседневную реальность. Стоит отметить, что А. Е. Якимов указывает на сложность дефинирования термина *постправда*, так как это «не представляется возможным ... по причине специфики самого понятия и совокупности явлений, которое оно описывает» [Якимов 2020: 3]. В основе *постправды* лежит проблематизация достоверности и восприятия реальности, возникает тотальное недоверие к медиа, претендующим на достоверность изложения информации.

Как и А. Е. Якимов, Н. Н. Ростова отмечает, что не следует сводить *постправду* только к политической сфере, видя в ней лишь методы для дискредитации оппонента [Ростова 2018: 131]. Автор отмечает определенный смысловой раскол в определении *постправды*, выявляя несколько различных акцентов при использовании термина: 1. Доминирование эмоций над фактами; 2. Стирание границ между правдой и вымыслом, жизнь человека и общества в самообмане; 3. Дезинформация; 4. Цифровая эпоха, характеризующаяся огромными скоростями передачи информации; 5. Информационные пузыри [Там же].

Н. Н. Ростова, вслед за Стивом Фуллером, считает, что *постправда* является новым названием для идеологической правды, «той правды, которая позволяет выстраивать единую для всех оптику и понимать мир» [Ростова 2018: 131]. В самой же философии *постправды*, как отмечает ученый, ставится вопрос о соотношении философии и истины, который невозможно свести либо к поиску и познанию абсолютной истины, либо к утверждению плюралистичности истин.

Помимо самого термина *постправда* у некоторых исследователей можно встретить словосочетание *лингвистическая постправда*. Так, З. З. Чанышева обосновывает появление нового направления в политической лингвистике – лингвистику *постправды*, в рамках которой исследуются разные виды: «информационные искажения, откровенная ложь, слухи, домыслы, сплетни, разные формы непроверенной информации, неавторизованные (анонимные) сообщения» [Чанышева 2018: 308]. Слово оказывается главным орудием в политической борьбе, так как среди используемых технологий особую роль играют виды публичной лжи, с помощью которых происходит «лингвополитическое конструирование действительности» [Чанышева 2018: 309].

Подведем некоторые итоги. Недостаточность Оксфордского определения *постправды* отмечается многими исследователями, и мы склонны с ними согласиться. Действительно, данное определение не охватывает

весь феномен, его влияние и воздействие на различные пласты современной культуры человека. Остается вопрос о размежевания постправды по социогуманитарным наукам: имеет ли место определение и формирование различных исследовательских ответвлений, таких как философия постправды, политика постправды, лингвистическая постправда, культура постправды и т. д.

Количество исследований в различных социально-гуманитарных науках позволяет предположить, что исследование феномена постправды не может осуществляться усилиями одной науки. Можно заключить, что каждая наука позволит установить и проанализировать разные аспекты постправды: от социологического до культурного. Актуальным можно назвать и исследование постправды в историческом контексте, как анализ генеалогии феномена. Не менее актуальным полем исследования феномена постправды также является филологическая наука, позволяющая конкретизировать словесные и языковые конструкции, используемые для реализации постправды.

Исходя из изложенных исследований, важными свойствами постправды являются эмоциональное состояние человека и состояние толпы; интерпретация и восприятие событий и фактов в связи с эмоциональным состоянием и реализация *постправды* в результате развития медиатехнологий.

ЛИТЕРАТУРА

Гарбузняк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192.

«Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб., 2018.

Ростова Н. Н. Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 130–138.

Чанышева З. З. Лингвистика постправды как новое направление в политической лингвистике // Теория и практика языковой коммуникации : материалы X Междунар. науч.-метод. конф. / под ред. Т. М. Рогожниковой. Уфа, 2018. С. 307–312.

Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

Якимов А. Е. Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия «постправда» // Философия и культура. 2020. № 9. С. 1–8.

Tesich S. A Government of Lies // The Nation. 1992. No. 13 [электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreelibrary.com/A+government+of+lies.-a011665982>.

СЛОВАРИ

Oxford Learner's Dictionaries [электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.